

НАРОДЫ МИРА

(ИНФОРМАЦИОННЫЕ МАТЕРИАЛЫ)

Б. Я. ВОЛЧОК

ОНГЕ АНДАМАНСКИХ ОСТРОВОВ

В последние годы в нашей печати появились сообщения об онге Андаманских островов — малоизученной этнической группе¹, находящейся на довольно низкой ступени общественного и культурного развития. Эти сообщения, по-видимому, являются откликом на этнографическое обследование населения Андаманских островов, предпринятое в последние годы Департаментом антропологии Индии.

После получения Индией независимости правительство республики активизировало работу по изучению культуры национальных меньшинств своей страны. Было обращено внимание и на Андаманские острова, где до сих пор обитают малоизученные племена. Определенный интерес представляет территория Андаманских островов и для экономического развития Индийской республики.

Андаманы — группа островов в Бенгальском заливе, географически делящихся на Большие Андаманы и о. Малый Андаман. Коренное население этих островов по этнографическим и лингвистическим признакам принято также делить на две большие группы, почти совпадающие с географическим делением островов.

1. Большая Андаманская группа племен, включающая всех коренных жителей Больших Андаман (за исключением племени джарава). Основными в этой группе являются племена ака-кари (ака-кари), ака-кора (ака-кора), ака-боа (ака-боа), ака-джеру (ака-джеру) и ака-беа (ака-беа).

2. Малая Андаманская группа, основными племенами которой являются онге (о. Малый Андаман), джарава южной части Больших Андаман² и жители острова Северный Сентинель.

Жители Андаман отличаются очень темной кожей и необычайной низкорослостью; из азиатов они по антропологическим признакам наиболее близки семангам Малайского полуострова и аэта Филиппин. Исключительная малорослость андаманцев послужила для некоторых антропологов основанием объединить их вместе с другими темнокожими малорослыми племенами Юго-Восточной Азии и Центральной Африки в одну пигмеоидную расу. Советские антропологи не разделяют этой точки зрения, полагая, что «физический тип андаманцев и других

¹ Так, например, онге описывается как «неизвестное до сих пор науке племя» («Наука и человечество», т. II, М., 1963, стр. 139).

² Небольшие группы джарава встречаются и на мелких островах, прилегающих к Малому Андаману.

«пигмеев» следует считать не древней, а, наоборот, более поздней формой, специфические признаки которой выработались в условиях изоляции»³.

Ранние сведения об обитателях Андаманских островов разноречивы и мало достоверны. Хотя глухие упоминания об этих островах и их жителях имеются еще у Птолемея, в арабских источниках IX в., у Марко Поло и в некоторых ранних китайских и японских источниках, однако вплоть до XVIII в. не отмечено каких-либо существенных контактов андаманцев с внешним миром.

Отдельные попытки утвердиться на Андаманах, предпринимавшиеся Ост-Индской компанией начиная с конца XVIII в., успехом не увенчались. Поэтому началом освоения Андаман следует считать 1858 год, когда после подавления национального восстания в Индии (сипайского) отсюда на острова прибыли 200 поселенцев и основали колонию Порт-Блэр.

С этого времени Андаманские острова становятся, в основном, местом ссылки неугодных британскому правительству Индии лиц (в первую очередь — участников восстания 1858 г. и уголовных преступников). С самого начала у приезжих — административных правительственных чиновников и военных — устанавливаются враждебные отношения с местным населением, происходят частые столкновения. Усугубляются они и тем, что с появлением чужеземцев на островах распространяются болезни: инфлюэнца, сифилис и др. Эпидемия кори в 1877 г. унесла почти половину населения Больших Андаман. Поэтому несмотря на «самые лучшие пожелания» английской администрации, которая, якобы, имела целью принести высокую культуру на острова⁴, результатом прихода сюда чужеземцев было почти полное вымирание коренного населения Андаман. Об этом красноречиво свидетельствуют цифры численности коренного населения Андаманских островов за последние 100 лет⁵.

Племена	1858	1883	1901	1911	1921	1931	1951
Племена большой Андаманской группы	3500	2000	624	455	209	90	23
онге	700	1250	673	631	346	250	600*
джарава	600	—	585	231	231	120	350
Всего	4800	3250	1882	1317	786	460	973

* Указанная здесь численность онге вызывает сомнения, см. ниже, стр. 103.

Вторую половину XIX в. можно считать и началом этнографического изучения островов. Однако если к концу XIX в. уже были довольно подробно описаны племена Больших Андаман, зафиксированы их языки и опубликованы словари, появились хорошо иллюстрированные

³ «Народы Южной Азии», серия «Народы мира», М., 1963, стр. 45—47.

⁴ Имеются в виду созданные с миссионерскими целями так называемые «дома для андаманцев», которые, по словам Р. С. Нигама, «оказались как бы дверью в могилу для андаманцев» (см. R. C. Nigam, Little known Tribes of Andaman Islands. Their Problems and Prospects, «Vanyajati», v. VIII, January 1960, № 1, стр. 9).

⁵ Там же, стр. 11, таблица.

издания, касающиеся их материальной и духовной культуры,⁶ то жители о. Малый Андаман — онге — долгое время продолжали оставаться белым пятном на этнографической карте Андаманских островов. Первые достоверные сведения об онге появились одновременно в работах двух известных исследователей Андаман — М. В. Портмана и Э. Х. Мэна.

В 1885 г. вышла в свет большая монография Мэна «Коренное население Андаманских островов»⁷, в которой приведены в систему и обобщены материалы, собранные им во время пребывания на Андаманах. Мэн был знаком и с интересующим нас племенем, которое на этнографической карте в вышеупомянутой монографии показано отдельным цветом и названо онге⁸. В предисловии к своей книге Э. Х. Мэн писал: «Хотя разница, особенно в предметах домашнего обихода, оружия, между племенами Больших Андаман и Малых Андаман (т. е. онге. — Б. В.) очень заметна, они (малоандаманцы) составляют другую ветвь той же негроидной расы»⁹.

Гораздо больше сведений об онге сообщает современник Мэна, офицер британских войск на Андаманах М. В. Портман. Он первый попытался установить дружеские отношения с онге и ему это, в общем, удалось. Датой установления постоянных и дружественных контактов с онге принято считать 1886 г. — год посещения острова Портманом.

Он сумел так подружиться с онге, что при посещении в том же году другого острова — Северный Сентинель — несколько онге сопровождали его, чтобы помочь установить контакт с жителями острова. Однако у онге и у жителей о. Северный Сентинель оказались настолько различными языки, что использовать онге в качестве переводчиков Портману не удалось.

Вскоре после Портмана к онге началось настоящее паломничество: в 1893 г. остров посетил французский антрополог проф. Ляпик¹⁰; в 1905 г. М. С. С. Боннигтон привез в Порт-Блэр трех онге. В связи с подготовкой к проведению переписей Индии в 1911 г. и в 1921 г. у онге побывали целые группы специальных работников-переписчиков. В 1927 г. остров Малый Андаман ненадолго посетил немецкий антрополог Э. Эйкштедт, а в 1930 г. Боннигтон снова вывез оттуда трех онге.

Из исследователей этого периода особо следует упомянуть известного этнографа А. Р. Брауна, который пробыл на Андаманских островах два года (1906—1908). Его книга «Островитяне Андаман»¹¹ по сей день является одним из существенных этнографических источников при изучении андаманцев, особенно их социального строя, духов-

⁶ См.: E. H. Man, *The aboriginal Inhabitants of the Andaman Islands*, London, 1932 (первое издание — 1885); его же, *On the Arts of the Andamanese and Nicobarese*, «*Journal of the Anthrop. Institute of Great Britain and Ireland*», v. VIII, december, 1877, стр. 451—465; его же, *On Andamanese and Nicobarese Objects*, «*Journal of the Anthropological Institute of Great Britain and Ireland*», v. XI, 1882, стр. 268—296; A. Lane Fox, *On Mr. Man's collection of Andamanese and Nicobarese Objects*, «*Journal of the Anthrop. Institute of Great Britain and Ireland*», v. VIII, december 1877, стр. 434—451; M. V. Portman, *Notes on the languages of the South Andaman Group of tribes*, Calcutta, 1898, стр. 390, *Vocabulary*, стр. 191; его же, *History of our Relations with the Andamanese*, Calcutta, 1899, и др.

⁷ E. H. Man, *The aboriginal Inhabitants of the Andaman Islands*.

⁸ Там же, стр. 224.

⁹ Там же, стр. XXVII.

¹⁰ Об этом, как и о последующих посещениях о. Малый Андаман различными лицами, сообщается в указанной работе Р. С. Нигама (стр. 10—11).

¹¹ A. R. Brown, *The Andaman Islanders*, Cambridge, 1922, стр. 504.

ной и материальной культуры. А. Р. Браун проник также и к онге. Как он пишет в предисловии к книге, трехмесячное пребывание на о. Малый Андаман убедило его в том, что существует единство материальной культуры у племен Большого Андамана (за исключением джарава), в то время как племена джарава и онге имеют самобытную культуру, резко отличную от культуры племен Большого Андамана.

В свою монографию А. Р. Браун включил собранный им материал по материальной культуре онге: подробно и обстоятельно описаны их общинные дома; особенно ценно в монографии детальное, снабженное иллюстрациями описание орудий охоты и рыболовства онге, которое пока остается единственной публикацией по этому вопросу.

Однако наибольший материал дают этнографические исследования, которые начали проводиться среди онге начиная с 1948 г. Департаментом антропологии Индии под руководством возглавляющего его Б. С. Гуха.

Неверно думать, что онге были впервые открыты для мира и науки именно в это время, но не будет преувеличением признать, что именно в результате этнографического обследования и экспедиций Департамента антропологии Индии за последние годы наука, наконец, стала располагать более конкретными этнографическими материалами, дающими возможность составить представление, правда, пока еще самое предварительное, об этом своеобразном племени.

Наиболее длительными и крупными были в этот период две экспедиции: одна — под руководством Л. Чиприани, который вместе с индийскими учеными провел несколько полевых сезонов у онге в период между 1951—1954 гг.¹², и вторая — экспедиция индийского ученого Р. С. Нигама, который дважды побывал у онге (в 1955 и 1956 гг.), прожив на острове в общей сложности около 6 месяцев¹³.

Кроме того, некоторые материалы об онге имеются в ряде статей, опубликованных в индийской научной периодической печати: Б. С. Гуха «Доклад об изучении жителей Андаманских и Никобарских островов в течение 1948—49 гг.»¹⁴; Р. К. Дэ «Онге Малого Андамана»¹⁵; В. Альва «Андаманские и Никобарские острова»¹⁶; Н. Д. Маджумдара «Аборигены Андамана»¹⁷ и статья Л. М. Шриканта «Отсталые племена Андаманских и Никобарских островов, условия их жизни и нужды»¹⁸. Однако перечисленные работы все-таки не дают полного представле-

¹² L. Cipriani, Report on a Survey of the Little Andaman during 1951—1953, «Bulletin of the Department of Anthropology», Calcutta, January 1953, v. II, № 1, стр. 61—82; его же, A Survey of Little Andaman during 1954, «Bulletin of the Department of Anthropology», July 1954, v. III, № 2, стр. 66—94.

¹³ R. C. Nigam, Little Known Tribes of Andaman Islands. Their Problems and Prospects, «Vanyajati», v. VIII, January 1960, № 1, стр. 5—12; «Vanyajati», v. VIII, April 1960, № 2, стр. 44—48; «Vanyajati», v. VIII, July 1960, № 3, стр. 90—97; его же, The Onge of Little Andaman. Their Settlements and Population, «Vanyajati», v. X, April 1962, № 2, стр. 44—53; «Vanyajati», v. X, July 1962, № 3, стр. 84—93; его же, The Onge of Little Andaman. Factors of Habitat, «Vanyajati», v. XI, April 1963, стр. 55—65.

¹⁴ B. S. Guha, Report of a Survey of the Inhabitants of the Andaman and Nicobar Islands during 1948—49, «Bulletin of the Department of Anthropology», v. I, January 1952, стр. 1—7.

¹⁵ R. K. De, The Onge of Little Andaman, «Vanyajati», v. V, January 1957, № 1, стр. 1—4, 45.

¹⁶ V. Alva, Andaman and Nicobar Islands, «Vanyajati», v. VII, October 1959, № 4, стр. 119—123.

¹⁷ N. D. Majumdar, Aboriginal Peoples of the Andaman and Nicobar Islands, «Vanyajati», v. III, October 1955, № 4, стр. 149—150.

¹⁸ L. M. Shrikant, Scheduled Tribes of Andaman and Nicobar Islands, their conditions and needs, «Vanyajati», v. IX, July 1961, № 3, стр. 90—98.

ния о племени онге. Наиболее скудны сведения о его социальном строе, духовной культуре.

В советской этнографической литературе об онге пока опубликовано немного, поэтому сообщение даже довольно фрагментарных сведений будет полезным.

Онге составляют единственное население небольшого острова Малый Андаман (площадь — 290 кв. миль), расположенного на расстоянии 40 миль к югу от Большого Андамана. Самоназвание онге — «ep-geale», что можно перевести как «настоящий человек». Такая семантика самоназвания свойственна многим народам.

Язык онге, хотя обычно и включается в андаманскую группу языков, по-видимому, существенно отличается от остальных языков этой группы. Во всяком случае, ни одно племя Андаманских островов языка онге не понимает. Язык этот — наименее изученный из всех андаманских, и грамматическая (морфологическая) структура его не будет ясна до тех пор, пока не будут опубликованы лингвистические материалы специальных экспедиций последних лет.

Андаманские языки относятся к агглютинативным, но при этом характеризуются рядом специфических особенностей. Они занимают особое место в лингвистической классификации и генеалогически ни с какими другими языковыми семьями не связаны. Хотя языки жителей Больших Андаман и о. Малый Андаман едины по происхождению, но в ходе своего развития они настолько разошлись, что сейчас их надо рассматривать как самостоятельные языки, а не диалекты одного и того же языка.

Трудно назвать точную численность онге. Указанная в переписи Индии 1951 г. официальная цифра — 600 чел. — вызывает сомнения. Выяснение точной численности онге, как и собирание любого этнографического материала об этом племени, связаны с большими трудностями. Главные из них — кочевой и полукочевой образ жизни онге, а также сложность общения с ними из-за отсутствия переводчиков. По-видимому, этим объясняются те просчеты, которые допустил Л. Чиприани при установлении численности онге (именно ему принадлежит цифра 600 чел.), а также недостоверность других статистических данных.

Методические и фактические ошибки Л. Чиприани рассмотрены в заметке С. С. Саркара «Численность и поселения онге». Он пишет, что цифрам Л. Чиприани трудно поверить, так как «его подсчеты базировались на количестве спальных мест в домах», тогда как, указывает Саркар, примерно $\frac{1}{3}$ племени имеет спальные места одновременно в нескольких домах¹⁹.

Критикует статистические данные, сообщаемые Л. Чиприани, и Р. С. Нигам, добавляя, что нет оснований ограничивать число членов племени, имеющих спальные места в различных домах, всего одной третью племени. Недостаточно достоверным считает он и число (273) приводимых Чиприани личных имен онге, ибо последний не учел, что онге чрезвычайно легко меняют свои имена. Кроме того, относительно личных имен у онге существует множество запретов, затрудняющих сбор этих сведений²⁰.

Более достоверную цифру численности онге дает Р. С. Нигам, утверждающий, что это племя насчитывает около 200 человек, со 161 из которых он сам встречался²¹.

¹⁹ «Anthropos», v. 55, 1960, Fasc. 3—4, стр. 561—563.

²⁰ R. C. Nigam, The Onge of Little Andaman. Their Settlements and Population, «Vanyajati», v. X, July 1962, № 3, стр. 85—86.

²¹ Там же, стр. 86.

Остров Малый Андаман²² сплошь покрыт густым лесом, и вся территория его, за исключением некоторых заболоченных мест, пригодна для жизни. Особенно благоприятны районы морского побережья, дающие возможность получать разнообразную пищу.

Джунгли острова очень густы, солнечные лучи почти не достигают земли. Не существует никаких дорог или тропинок, и только онге могут ориентироваться и передвигаться в этих густых зарослях; зачастую им приходится для этого продираться по ветвям, не ступая на землю.

Лес и его продукты являются главным источником существования онге. Племя не знает земледелия; на острове нет ни одного культурного растения, если не считать небольшого числа кокосовых пальм, завезенных сюда относительно недавно. Онге живут исключительно за счет охоты и собирательства, и их быт целиком определяется естественно-географическими условиями острова.

Находясь в полной зависимости от климата, сезонов и сроков созревания плодов и растений, наличия питьевой воды и т. п., онге хорошо осведомлены обо всех географических особенностях своего острова. Времена года и сезоны они различают по времени цветения определенных деревьев или по миграциям животных. В их языке имеются названия для всех явлений природы, с учетом мельчайших деталей, что свидетельствует о большой наблюдательности. Из 600 слов языка онге, записанных экспедицией Л. Чиприани в 1954 г., примерно половину составляют названия растений и животных, хорошо известных каждому онге. В то же время в их языке отсутствуют слова, обозначающие числительные, меры веса, времени.

В одной из статей Р. С. Нигама имеются подробные таблицы — классификация съедобных плодов, растений, корней, листьев, цветов, ягод и т. п., где приведены многочисленные местные названия²³. В одной из этих таблиц автор отмечает, в какие сезоны года какой вид пищи является основным, а какой — вспомогательным²⁴.

Кроме растительной пищи, онге употребляют и животную: здесь в первую очередь нужно отметить диких свиней — главный объект охоты, а также некоторые виды птиц, рыб и ракообразных животных, морских черепах, крабов, которыми снабжает их море. Онге очень любят черепаши яйца; иногда в одном гнезде находят от 100 до 200 яиц сразу.

Главное орудие охоты — лук и стрелы, которыми также пользуются и при охоте на морских рыб. Кроме того, рыбу ловят на крючки или бьют гарпунами. В случае большого улова рыбу коптят, и таким образом она становится пригодной для еды в течение нескольких дней.

Единственное домашнее животное у онге — собака, которую они используют при охоте на диких свиней. Собаки появились на острове недавно (примерно 30 лет назад) и к настоящему времени угрожающе расплодилось, заметно уменьшая продовольственные ресурсы острова. О собаках заботятся женщины.

Постоянная зависимость онге (как лесных, так и прибрежных) от лесных продуктов питания заставляет их все время передвигаться с места на место. Этим объясняется особый характер поселений онге.

²² Остров известен еще под двумя названиями: «Geabelange» — так его называют сами онге, и «Chilimatola» — остальные жители Андаман, см.: R. C. Nigam, The Onge of Little Andaman. Their Settlements and Population, «Vanyajati», v. X, april 1962, № 2, стр. 46.

²³ R. C. Nigam, The Onge of Little Andaman. Factors of Habitat, стр. 60.

²⁴ Там же, стр. 66—67.

В связи с полукочевой жизнью у них отсутствуют крупные поселения или деревни. Существует два типа поселений — постоянные и временные.

Постоянное поселение онге — бера; это, по существу, один большой общинный дом, который служит жильем для строго определенного числа семей в сезон дождей, когда необходима достаточно прочная постройка, способная дать надежное укрытие. В этих домах онге проводят большую часть года, под их крышами совершаются самые важные социальные обряды и церемонии.

Р. С. Нигам дает сводную таблицу — перечень всех общинных домов онге, в которой помимо его собственных материалов, учтены сведения Портмэна, переписей 1911, 1921, 1931 гг., данные Чиприани (1953—1954 гг.)²⁵.

Вся территория онге, согласно их традиции, делится на три большие области, каждая имеет свое название. Первая область включает все общинные дома и живущих в них людей на северном и восточном побережье острова; вторая — на южном и западном побережье, и третья — во внутренних районах острова. Кроме того, каждый общинный дом (прибрежный или внутриостровной) имеет строго определенную территорию, носящую особое название, указывающее на принадлежность ее (а в прибрежных районах — и определенного пространства побережья) данному общинному дому. Это дает живущей в доме группе онге право сбора лесных продуктов и охоты (или рыбной ловли) на данной территории. Вторжение одной группы онге на территорию другой ведет к серьезным столкновениям.

Некоторые исследователи склонны отождествлять эти группы с родами²⁶. Такое предположение, конечно, правомерно. Однако подтверждающих его материалов нет. В частности, ничего не известно о брачных правилах, о взаимоотношениях отдельных групп; мало сведений о характере распределения продуктов охоты и собирательства, о религиозных представлениях онге и многом другом, что помогло бы разобраться в сущности социальной структуры этого общества.

Отсутствие этих сведений объясняется, по-видимому, тем, что главной целью всех экспедиций было либо собирание лингвистических материалов для составления словаря онге, либо получение статистических данных для переписей. Кроме того, собирание такого рода сведений требует значительно лучшего владения языком обследуемого народа, чем это имело место до сих пор.

Некоторый материал о семье можно найти в статьях Нигама. С каждым из своих 161 информаторов он беседовал не меньше четырех раз, собирая данные о них самих, членах их семьи, пытаясь установить при этом генеалогические связи. Данные этого обследования суммированы им в сводной таблице²⁷, сообщающей о личных именах онге, численном и половозрастном составе семей, принадлежности семей к тому или иному общинному дому и распределении этих домов по трем областям, на которые делится весь остров. Судя по материалам Нигама, племя онге состоит из 45 семей, насчитывающих 138 взрослых (71 мужчина и 67 женщин) и 48 детей. Из 45 семей 21 бездетна.

²⁵ R. C. Nigam, *The Onge of Little Andaman. Their Settlements and Population*, «Vanyajati», v. X, april 1962, № 2, стр. 51—55.

²⁶ E. C. Buchi, *The Onge of Little Andaman*, «March of India», v. 6, № 2, 1953, стр. 53 (ссылка в «Vanyajati», v. V, january, 1950, № 1); M. V. Portman, *History of our Relations with the Andamanese*, v. 1, 1899, стр. 24 (ссылка в «Vanyajati», v. X, april, 1962, № 2, стр. 51).

²⁷ R. C. Nigam, *The Onge of Little Andaman. Their Settlements and Population*, «Vanyajati», v. X, july 1962, № 3, стр. 87—90.

Р. С. Нигам больше почти ничего не сообщает о характере семьи у онге, если не считать туманной фразы о том, что семья онге состоит из взрослого мужчины, жены и детей. Вдовы и одинокие юноши и девушки из хозяйственных соображений объединяются с той или иной семьей²⁸.

Более подробные сведения о социальных отношениях и семейной жизни содержатся в публикациях Чиприани²⁹. Согласно этим материалам, население каждого общинного дома — родовая экзогамная группа, члены которой ведут происхождение от одного предка. Принадлежность к определенному общинному дому соблюдается очень точно. Каждая семья имеет свое строго определенное спальное место в общинном доме — высокую платформу, являющуюся как бы центром семейной жизни: на этой платформе спят, справляют свадьбу, здесь же рождают женщины; под платформой хоронят умершего члена семьи. Если ребенок родился во временном доме, то плаценту, как правило, все же зарывают в постоянном жилище (под платформой).

Свадьба празднуется только в общинных домах, причем — в том доме, где живет невеста. Сама церемония очень простая и тихая, как и все другие обряды у онге.

Каждый общинный дом имеет главу; никаких других вождей на острове нет. Больше того, у онге, как утверждает Л. Чиприани, вообще не существует представления о власти, и главу общинного дома вождем можно назвать весьма условно.

Если постоянный общинный дом — жилище родовой группы, и в его постройке принимают участие все ее члены, то временный дом сооружается для одной и лишь иногда для двух — трех семей. Каждая группа выработала некоторые специфические особенности в характере постройки общинного дома, а отчасти — и временного. При переселении во временные жилища из постоянных забирают все имущество; кроме спальных платформ в них ничего не остается.

Постоянные дома, как и временные, круглой или эллиптической формы. Они имеют вид куполообразных шалашей («перевернутой чашки») или огромных зонтов, что обеспечивает им устойчивость при ветрах.

Общинный дом строят очень тщательно, учитывая, что он должен надежно защищать людей во время самого неблагоприятного сезона. Предметом особых забот является крыша. Ее строят путем искусного переплетения волокон тростника и пальмовых листьев. Техника плетения такова, что свисающие листья образуют сплошной наружный шокров крыши, который в состоянии противостать любым ливням.

Крыша покоится на тяжелой деревянной раме, поддерживаемой серией простых столбов, расположенных концентрическими кругами (один или два круга). Центральный столб при такой конструкции не обязателен и, как правило, отсутствует. Крыша не доходит до земли примерно на один фут, поэтому вход в такой дом и выход из него возможны в любом месте. Таким же образом обеспечивается и дневное освещение помещения.

В центре крыши, под куполом, имеется отверстие для выхода дыма, со специальным приспособлением для закрытия.

Основу внутреннего убранства домов онге составляют изготовленные из дерева и заплетенные ветвями и веревками уже упоминавшиеся платформы, поднятые на некоторое расстояние над землей. Иногда

²⁸ Там же, стр. 90.

²⁹ L. Cipriani, Report on a Survey of the Little Andaman during 1951—1953, стр. 61—82; его же, A Survey of Little Andaman during 1954, стр. 66—94.

они покрыты листьями, циновками (онге известно плетение). В некоторых домах платформы расположены в два этажа, и на второй этаж забираются по плетеной лестнице.

Спальные платформы внутри дома размещены по кругу таким образом, что спящие обращены головами к центру. В центре жилища сооружены особые спальные платформы для взрослых юношей, а также более низкие платформы для хранения мяса. Над спальными платформами в постоянных домах можно встретить расположенные в несколько рядов раскрашенные красной охрой черепа и челюсти убитых животных — свиней и дюгоней³⁰. Раскраской этих черепов и челюстей занимаются только женщины.

Луки, стрелы и некоторые предметы домашнего обихода (небольших размеров) держат под крышей.

Каждая семья имеет собственный очаг внутри дома, расположенный около спальной платформы, а также небольшой запас топлива, обычно находящийся внутри дома. Очаг как в постоянном, так и во временном доме горит всю ночь, защищая людей от холода и сырости, так как спят онге без всякой одежды и не укрываются.

Кроме постоянных поселений — общинных домов, у онге имеются временные поселения (kogale) двух типов. Первый тип временных поселений — это группа домов, возводимых в сухой период (март — апрель), когда из-за жары трудно находиться в постоянных домах. Временные жилища строят в местах, удобных для этого сезона (с точки зрения собирательства, охоты и наличия вблизи источника воды).

Не существует какой-либо принципиальной разницы в характере постройки и конструкции временного и постоянного дома. Они отличаются лишь размерами. Следует еще раз подчеркнуть, что временный дом служит жильем для одной семьи, постоянный — для нескольких, и число их строго определено. Кроме того, если во временных домах различные социальные обряды, а иногда и приготовление пищи происходят вне дома, то в общинных домах и то и другое совершается только под крышей дома.

Второй тип временных поселений — небольшие укрытия из веток и листьев, которые сооружают на два-три дня во время охоты, если она происходит далеко от постоянного или временного жилища.

Вся повседневная жизнь онге подчинена добыванию пищи. Главное занятие мужчин — охота, на которую они отправляются группами, но промысловый каждый самостоятельно. Для охоты или сбора плодов в лесу обитатели одного общинного дома обычно разделяются на несколько мелких групп, которые вновь собираются лишь с наступлением сезона дождей.

Охотники, как правило, отправляются на промысел утром и возвращаются в свое временное жилище вечером. Однако если охота не очень удачна, они задерживаются в лесу на несколько дней; часто охота на диких свиней не прекращается даже ночью. Кроме оружия — лука и стрел, охотники берут с собой и корзины для сбора дикорастущих плодов, ягод, меда и т. п.

Женщины также ежедневно ходят в лес собирать плоды, листья, корни деревьев и кустарников, за водой, топливом, материалами для плетения. С собой берут плетеные корзины, бамбуковые сосуды для воды, палки-копалки и тесла. В этих коротких экспедициях, из которых возвращаются до конца дня, женщин сопровождают дети; маленьких детей несут на себе, привязывая лямками. В домах остаются

³⁰ Вид водных млекопитающих.

только пожилые женщины, которые занимаются плетением сетей, циновок.

По возвращении мужчин женщины раздувают тлеющий огонь очага, варят пищу. За исключением дней, когда мужчины отдыхают от охоты, горячую пищу готовят один раз в день.

Гончарство, которое самим онге не было известно, привнесено на остров недавно. До этого онге изготавливали лишь долбленые деревянные сосуды, непригодные для варки пищи. Поэтому мясо, например, на острове до сих пор приготавливают не в сосудах, а на раскаленных камнях. При этом мясо предварительно заворачивают в толстые сочные листья и сверху прикрывают землей.

Онге никогда не заготавливают пищу впрок. Не употребляют они и соли, ее им заменяют различные морские продукты, существенно дополняющие пищевой рацион онге. Единственный напиток у онге — вода. Следует отметить, что у племени не существует каких-либо пищевых запретов.

Пищу на общем очаге готовят мужчины в двух случаях: во время общих праздников или церемоний или после коллективной охоты. Мужчины и женщины едят совместно. В свободные от охоты дни мужчины занимаются выдалбливанием лодок (в этом они считаются очень искусными), деревянных сосудов, изготовлением луков и стрел, ремонтом жилища.

Женщины занимаются изготовлением украшений. Сугубо женским занятием является нанесение татуировки и стрижки мужчин и детей, и только вдовам запрещено заниматься этим.

Примечателен у онге обычай захоронения мертвых: как уже говорилось, их хоронят в домах, под спальными платформами. Беспорядочное расположение костей в старых могилах³¹ свидетельствует о вторичном погребении (но только черепа и больших костей). Современные онге хоронят умерших, зарывая трупы под спальными платформами на глубину около 1 м. Через семь дней могилу вскрывают, очищают кости, извлекают челюсть и уже очищенные кости хоронят на этот раз на меньшей глубине. Челюсть умершего впоследствии раскрашивают красной охрой (этим занимаются женщины) и носят как амулет.

Если не считать обычая сохранения челюсти умершего сородича, никаких признаков культа предков у онге не обнаружено. Не существует у них и каких-либо жертвоприношений или других обрядов, связанных с захоронением.

Вообще следует отметить отсутствие у онге таких характерных для примитивных племен социальных институтов или обрядов, как инициации, очистительные обряды после родов и табу в менструальный период для женщин, нет полигамии или полиандрии. У онге нет праздников или жертвоприношений «первого урожая» («урожая» — здесь весьма условно, ибо у онге нет земледелия) или, точнее, «первого плода».

Религиозные представления онге можно охарактеризовать, как веру в духов, которых они видят всюду — в лесу, в небе; они верят в сверхъестественные силы, а также в загробную жизнь; практикуют толкование снов.

Никакой одежды онге не носят, если не считать очень маленьких набедренных повязок-передников; лицо и тело раскрашивают красной

³¹ Л. Чиприани раскопал много погребений онге, как современных, так и на местах старых, теперь уже брошенных общинных домов.

охрой. Женским украшением является уже упомянутый амулет — раскрашенная человеческая челюсть.

Онге, как и другие андаманцы, никогда не умели делать орудия из камня. Кремень и обсидиан, имеющиеся на островах, они используют для изготовления тонких пластинок, употребляемых как гребни или для нанесения надрезов при татуировке. Наконечники для стрел они мастерят из костей и раковин. Л. Чиприани утверждает даже, что их культура может быть отнесена к так называемой докаменной культуре, т. е. к тому времени, когда человек не умел еще обрабатывать камень, и в качестве орудий труда употреблял дерево, кость, раковины.

Даже из такого краткого описания видно, что перед нами общество, находящееся на довольно низкой ступени социального и культурного развития.

Усилия индийского правительства и соответствующих научных учреждений в настоящее время направлены не только на изучение племени, но и на улучшение условий жизни на острове. Разработан план экономического развития этого отдаленного уголка Индии, намечающий разведение культурных растений (кокосовых пальм, а возможно — и банановых деревьев)³², внедрение более высокой техники рыболовства, снабжение населения более совершенными орудиями труда, медицинское обследование и помощь населению и тому подобные мероприятия.

На остров уже сейчас проникли ранее неизвестные здесь металлические изделия (особенно — железные), табак и чай, сахар и спички³³.

Дальнейшие исследования и публикация собранных этнографических материалов будут, безусловно, с большим интересом встречены этнографами. Особого внимания заслуживает подготавливаемый к печати Р. С. Нигамом словарь языка онге.

Остается выразить надежду, что прогрессивные устремления индийского правительства не пропадут даром и племени онге удастся избежать судьбы тех аборигенов Андаман, для которых соприкосновение с внешним миром оказалось роковым.

---

³² Опыт показывает, что кокосовые пальмы хорошо приживаются на побережье острова. В 1952 г. Л. Чиприани посадил 300 кокосовых пальм и 50 банановых деревьев, которые при посещении в 1955—1956 гг. Р. С. Нигамом оказались в полном порядке. В 1956 г. Р. С. Нигам посадил еще 50 пальм. Через несколько лет онге смогут снять хороший урожай кокосовых орехов.

³³ Н. Д. Маджумдар сообщает, что онге с удовольствием забирали у членов экспедиции бывшие в употреблении бритвенные лезвия и использовали их для бритья головы (см. N. D. Majumdar, Указ. раб.)